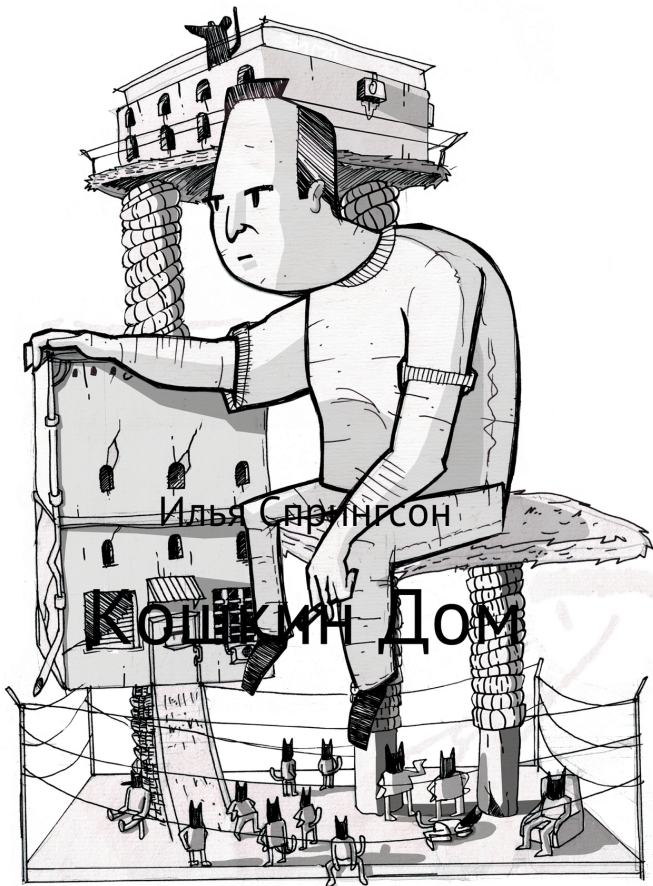

"The Cat House"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

by Ilya Springson

18+

Илья Спрингсон Кошкин дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40207585

SelfPub; 2019

Аннотация

Главный герой книги "Кошкин дом", музыкант и поэт, по нелепому стечению обстоятельств попадает в Бутырскую тюрьму, а именно на спецкорпус для психически больных, именуемый Кошкин Дом. Автор – Илья Спрингсон (Springson) проводит аналогии тюрьмы с детством, описывает происходящее с героем живо и без тюремных излишеств. В оформлении обложки использован рисунок, специально нарисованный (созданный) для данной книги. Автор рисунка – Mr Turnwhilepushing (псевдоним). Содержит нецензурную брань.

Содержание

Начало. Дневниковые куски из синих тетрадок	4
Кошкин Дом. Пронести общак	8
Дорога. Миха Доктор. Сварщик	15
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Начало. Дневниковые куски из синих тетрадок

В тюрьме нет дел. В тюрьме есть мысли. Нет друзей, и нет настоящего. Есть прошлое и непонятное будущее, мёртвое время.

Страшного ничего, да и не страшное пугает, а больше неизведанное, плюс то, что навеяно вольными представлениями о тюрьме, а сама тюрьма не страшная.

Бутырка, например, очень красивая. Ворота стильные, арки. Архитектура, короче. Восемнадцатый век.

Ворота дубовые.

Я когда первый раз зашёл внутрь – даже был несколько удивлён стилем, но зашёл как в другой мир, чувство было как у новорождённого или как у трупа, входящего в царствие небесное. Короче, жопа.

Потом уже, возвращаясь с судов и продлёнок, я выпрыгивал из автозака и уверенно и спокойно заходил внутрь тюрьмы, шутил и улыбался, и думал о другом, не замечая ворот и тюрьмы. Всё пройдёт. Всё будет. Всё сгниёт. Радуйся. Радуйся, что не подох и не умер, что живой и скоро всё встанет

на какие-нибудь места, скоро выпадет снег и ты отсюда свалишь. Мне приснился сон, что я уйду, когда выпадет снег.

Снег потом выпал, но я не ушёл, хотя это случилось позже, а заехал я в августе, в самый разгар страшной московской жары 2010 года, когда жить-то не хотелось, а тем более при этом ещё и сидеть в тюрьме.

Привет мне, я в общей хате Бутырской тюрьмы. 4-й корпус, камера 124. Со мной рядом несколько идиотов, пять таджиков (а таджики в тюрьме – это вся средняя Азия, будь таджик киргизом или даже казахом, он всё равно таджик), пять-шесть адекватных чувачков (наркоманы), белорус, два грузина и один татарин. Временами татарин – животное, а иногда он меня умиляет. Белорус – это Илюха Пантюхов, который в самую жару украл в охотном ряду пальто, за что и заехал. Ущерб там у него копейки, статья ни о чём, полгода, думаю, дадут и пинка под зад.

Таджики сидят за мобильники и траву, срока у них либо никакие, либо огромные, они в тюрьме ведут себя омерзительно: постоянно моются и молятся, постоянно жрут и галдят, постоянно выносят всем мозг. Бороться с ними практически бесполезно, бить их можно хоть каждые полчаса, а толку ноль.

Таджик, когда он один, сидит как зверёк, не молится и не говорит. Когда собирается в хате пусть и разнонациональная кучка – начинается гыр-гыр. С утра до ночи этот проклятый

гыр-гыр! И ночью тоже. Сидят на перевернутом ведре возле тормозов (решётка перед дверью) и гыргырят. И периодически молятся. На двух верхних шконках наше зверьё устроило себе мечеть. Порой не слезало оттуда. Просто сменяли друг друга и Акбар.

Наши тоже некоторые начинают креститься на всё подряд, но никого вроде не достают этим, хотя особо фанатичные меня выводили своими рассказами о Боге.

Конечно, не о Боге, а об иконах и попах, о крестах и церковной литературе, которой в тюрьме выше крыши. Поначалу я вступал в дискуссии, потом забил. Когда начинали грузить – ложился спать.

Или с Борисычем мечтал о будущем и прикидывал свои расклады. А расклады мои не очень. Статья от двух до шести, но светит мне дурдом. На август-сентябрь я ещё не знал, меня ещё не признали невменяемым и я рассчитывал получить условный срок, но к дурдому уже всё шло, им несло за километр. Дурдом я поймал только в октябре, когда дёрнули на пятиминутку к докторам и они признали во мне своего. Тем самым, последние надежды на условный срок умерли.

В начале сентября прилетала Настя. Я помню, как над Москвой летел её самолёт, я чувствовал каждый его винтик, я слышал дыхание Насти и до такой степени проклинал человека, который запихал меня в эту тюрьму, что двоилось в глазах.

Настя. Я ждал её полгода, сходил с ума. Пил, как идиот, вытворял гадости и играл концерты во всяких Томсках, занимался фигнёй и жил в Крылатском. Собирался на юг и ждал её как спасения от своей шизы, от полной потери себя и смысла себя, от чувства полнейшей жопы, которая пришла-таки с тюрьмой. Которая чуть не убила нас обоих.

Обнаружил же я себя только в конце октября – начале ноября, когда и стал записывать то, что со мной происходит, чтобы не сойти с ума. 21-го октября меня перевели на Кошкин Дом, отдельный корпус Бутырской тюрьмы, СИЗО для дураков. Мы сидели с Борисычем и пили чай, зашёл продольный и заказал меня с вещами. Был вечер.

Кошкин Дом. Пронести общак

Мне 31 год.

Я никогда не думал, что окажусь наедине с собой настолько серьёзно, я не хочу писать о быте и нравах тюрьмы, может только получится об этом упоминать, и то изредка, чтобы была атмосфера читать. Короче, дневник одного раздолбая, по идиотским стечениям обстоятельств нашедшего себя здесь и сейчас.

Ноябрь.

Как уже упоминалось, сел я в начале августа, когда в Москве была жара и дым. И весь август я был твёрдо уверен, что вот сейчас, человек, который меня сюда засадил, пойдёт в ментовку, расскажет, что это недоразумение, что всё сопсиху, что всё по-пьяни, что ничего не случилось, а оно и правда, ничего не случилось, и меня отпустят. Но прошёл август. И потом сентябрь.

В октябре я узнал, что человек попросту испугался идти в мусарню. Ну да ладно, хрен с ним. От него у меня остались только страшные сны.

Я поймал на себе ноябрь во всей красе его предсмертной осени, которую ждал целый год и которую увидел сквозь ре-

шётки сначала Бутырки, а потом КД, что в переводе – Кошкин Дом.

Не так давно здесь держали «баб» и психов. Потом для «баб» построили 6-й централ, а психам отдали под безвозмездное жильё весь корпус. И здесь теперь моё место. В камере 491 на 4-м этаже. У окна мой шконарь. Теперь без второго этажа (пальмы). Из окна виден жилой дом, который обычные люди помнят на пересечении улиц Новослободской и Лесной (на углу), и ещё виден шлюз. Ворота тюрьмы.

Странно, но я очень часто утром проходил мимо этого углового дома, возвращаясь из клуба «Loftbar», где был ночным администратором. Какой уютный дворик для утреннего пива, если смотреть на него из тюрьмы.

Я смотрю теперь. Смотрю, как козлы растягивают у локалки сетку-рабицу. Сами себе делают забор. Хозбанда. На Бутырке она маленькая, один отряд, меня тоже опер пытался записать в козлы, когда я только появился в карантине, давай, говорит, к нам. Я отказался. И не по каким-то «типа-блатным» соображениям, а просто ничего вообще не знал и, чтобы не наворочать дел – сказал: – нет.

Козлов презирает «залупочёсная» братия, ауешники. Пиздоболы и первоходы, в основном чурьё, которое, сидя на перевёрнутом ведре возле тормозов, целыми днями врёт о себе целиком и полностью. Баландёры тоже козлы. Баландё-

ров они презирают, хотя те ничего им плохого не делают, напротив, многие помогают. Малявы носят, например, с корпуса на корпус. Или Саня баландёр на КД, тот вообще разносил чай и сигареты общаковые по «замороженным» (камеры без дороги) хатам. Но чурью похер. Чурьё называет себя порядочными арестантами, при этом крыся и разводя своих же порядочных, обливают баландёров кипятком и орут всякую херь про АУЕ. АУЕ – это их аббревиатура, на которую дрочит каждый «залупочёс», чурёнок или наш. Значит она типа арестанское уважение чего-то там такое. Они себя гордо называют арестантами. Они не пидоры, поэтому люди. А не люди, потому что люди. Мудачество и игра в тюрьму.

(От мата никуда не деться. Прости, Господи.)

Сидел я в карантине и нормально эти баландёры выручали сигаретами и спичками, короче, АУЁ.

На карантине хаты маленькие, узкие, четырёхместные. Если двое встанут со шконок – остальные двое уже будут играть в тетрис сами собой. Стол (на двойке во Владимире его называют общак, в Москве – дубок) узкий и длинный, сидишь, смотришь на стену и видишь железный ящик «телевизор», в котором мы нашли кем-то заботливо спрятанный чай. Немного, но хватило для радости. Раза три варили чифир. Поднимали на дровах (рвёшь простыни, поджигашь, а

кружку держишь ложкой и так кипятишь), розетка была сломана, армянин Артур был, карманник, прикольный борода, чувак Андрюха и таджик.

Таджик запомнился тем, что утверждал, что ему подбросили килограмм героина. Смешной и глупый таджик. Лет 15 ему, наверное, вlepили.

А ещё больше смешной был чувак Андрюха. Его притащили в пиджаке и штанах от пиджака и в туфлях без шнурков и супинаторов. Он орал, что срочно нужно что-то писать, как-то звонить адвокату и прочую ересь. Взяли его за какие-то поддельные бумаги, и светило ему «тоже чот много...».

На самом деле, когда тебя в суде упаковывают в СИЗО – там дают такую бумажень, телега называется, в миру – избрание меры пресечения или типа того. Так вот, эту бумагу, по законам, можно обжаловать в Мосгорсуде в течение трёх дней. Но в суде, если адвокат мусорской (положенный по закону) – он пошлёт вас бесплатно на х..., а нормального адвоката вам ещё не наняли, или у вас денег нет, короче, полюбому вас везут в тюрьму, так как суд назначил меру пресечения содержание под стражей, а в тюрьме вы сидите в карантине и эти три дня вам не положена ни ручка, ни бумажка, ори, проси, бесполезно, всё равно не дадут. Да даже если и дадут – кому вы отдадите ваше смешное ходатайство? Вас уже посадили, всё. Сиди-кури.

Так вот, смешной был чувак Андрюха который орал в пи-

джак. Я видел его потом на сборке. Одет он был уже в спортивный костюм и не возмущался. Говорил, что скинет ему, конечно, адвокат, годик, а так надеется, что дадут 5 -6.

Узнал, что я сижу на КД и дал мне пачку Кента. На этом разошлись.

А на сборках нам, Кошкиндромовцам, всегда старались помочь кто чем может, так как КД – самый голодный корпус Бутырки. Общак на него загнать можно только ногами. Происходит это так: с КД везут кого-нибудь на суд, естественно кд-шник попадает на общую сборку, где сидит и ждёт. А с общего корпуса выносят пакеты (всегда были «Metro») с сигаретами и чаем, иногда ещё и с конфетками, кубиками и спичками...

Сборок много, может не повезти и люди не «словятся», но если славливаются – это ещё четверть дела. Дальше нужно вынести пакеты из тюрьмы, отстоять их и убедить мусоров в том, что это не общак, а твоё, хотя мусора прекрасно знают, что это и откуда груз. И правда, за каким боком тебе везти на суд 20 блоков «Золотой Явы» и 5 килограмм чая? Говоришь: моё, хер куда поеду. У меня глумари в хате, они всё пожрут. Не верят, смеются.

Тогда устраиваешь комедию и падаешь на пол, орёшь, что перегрызёшь вены и всё такое, тебя обещают посадить в карцер (врут) грозят какими-то ужасами существования в «ИХ» тюрьме, но это всё гон. Конвой, который приехал забрать те-

бя в суд, не тюремный, им нужно быстрее раскидать всех по судам и что ты там везёшь – им всё равно, хоть бомбу, им главное не попасть в пробку и чтобы количество рыл совпало с количеством бумажек. Бутырские отнять у тебя пакеты не имеют права, это твои вещи, которые уже пропустили в тюрьму, поэтому сдаются и орут, что в следующий раз будут отбирать перед передачей, ну и всякую другую фигню, на которую тебе уже похер, так как ты уже в автозаке, принимаешь поздравления от народа и гордишься своей хитрожопостью. Дальше суд. Судебные мусора, видя тебя с барахлом, лишь скалятся, так как полностью обезоружены правами человека и максимум, что могут сделать – так это заставить тебя открыть все пачки. 20 блоков! Хотя я один раз тащил 27 блоков и они открывали каждую пачку. Придурки.

Ладно, отмучили тебя в суде, отдали шнурки и пакеты, конвой посмеялся, проехали по тюрьмам, развезли народ, (Бутырка всегда последняя, хотя к моему суду ближе всего и едут туда почти все, так нет же. Надо сначала пилить на Матросскую Тишину, потом на Пресненский централ, почти в Фили) простоять в шлюзе полтора часа, очередь из автозак в Бутырке может быть очень большой, ну прибыли, всё!

И тут другая смена мусорят. Начинается заново.

Вся комедия по второму кругу.

Но и вторая комедия позади, и вот тебя ведут последне-

го, время час ночи, ты убитый, тащишь эти пакеты с общего корпуса на свой, и тут, после всего, что из тебя уже вымучали, после холода и голода, усталости и тоски, любой деревенский урод, продольный, может просто отнять у тебя всё, потому, что никого нет, и тебе никто не поверит.

Но, слава богу, со мной такого не случилось. Всегда доготавливался. Приносил.

В хату заходишь довольный и убитый, тебе там чай заварили, пожрать сделали, кайф.

Расчехлился и спать. После суда никакой дороги.

Дорога. Миха Доктор. Сварщик

Утро. За окном лают собаки и гремят автозаки. На продовле развозят баланду. Два месяца подряд утром сечка. Жрать её уже невозможно, но это единственное блюдо бутырской кухни, которое хоть как-то можно есть. Полнейшая тоска.

Я и не знал, что у тоски нет предела. И нет границы. Я думал, есть какой-то порог, за которым наступает безумие, однако, как выяснилось, нет.

Вообще, чем плох вариант с дурдомом – это своей тоской. И срок, который ты уже отсидел в тюрьме, никуда не засчитывается, и этапов нет, и связи. Есть только окно, окно с видом на тюремный двор и угловой дом по Новослободской улице.

И срок. Сначала ждёшь суда. Потом этапа на больничку. И отсидеть при этом можно и год, и два, и три. Затем, в больничке, всё начинается заново. Полгода – комиссия. Продлевают ещё на полгода, потом это может быть до бесконечности.

Мне, как ни крути, вариант дурдома всё же лучше. Статья тяжкая, вlepили бы, с учётом предыдущей судимости, года четыре, а так за полтора есть шанс соскочить, «стопятым» вообще нормально, если, конечно, не нарвутся на специнтенсив, у них от 6-ти до 15-ти по первой части, по второй

– от 8-ми до пж. А с дурятника года за три-четыре выйдут. Хотя тоже смотря какой дурятник.

Тем, у кого статьи лёгкие лучше отсидеть свои год-полтора на зоне. В дурке можно нарваться на срок в два или три раза больше. И никакого УДО в дурдоме нет.

Миха застрелил одного ФСБ-шного придурка. И собирался ехать на Сычёвку, на специнтенсив. Институт Сербского признал его невменяемым на момент совершения делюги, а сторона терпилы потребовала экспертизы в Питере. Ну а тут известная война двух психиатрических учений. Миху отвезли в Питер, где и не признали. Суд на третью экспертизу не пошёл, сказали, что нормально, хватит.

Сидит Миха три года и он единственный, кто находится на 4-м этаже КД и получит срок. Какой – не знает, но говорит, что если дадут 15 лет – будет прыгать до потолка от радости и счастья. (дали ему в итоге 17 строгача).

Миха здесь у нас называется «смотрящий за корпусом и общаком», но на «чичи-гага» он не похож, скорее он похож на детского кота, он постоянно смотрит в окошко и рассказывает смешные истории про Питер, в который когда бы он не приезжал – обязательно нарывался на перестрелку.

И ещё мы разговариваем по-немецки. Миха любит немецкий.

Он закончил питерский горный институт.

Ночью я стою на дороге, раскидываю по корпусу чай, сигареты и конфетки. У меня связь с тремя хатами: слева 490, внизу 474, наверх 508. Трубы в хате нет.

Ноябрь.

Начало.

Ввели карантин из-за какого-то мудака, который поймал желтуху.

Сварщик ввёл карантин. Теперь месяц никого на суды не будут возить, по крайней мере так говорят. Сварщиком зовут местного доктора, алкаша и бедолагу, он и правда, больше похож на сварного, чем на доктора. Видок ещё тот. Интеллигент 70-х возле пивного ларька. Говорит громко и глупо, спрашивает всегда одно и то же. Лечит всех исключительно аминазином, так как ничего другого на КД нет. Ходит в штиблетах, «галстуХе» и в халате. Халат местами убит. Из карманов торчит множество карандашей, хотя он, наверное, мечтает об электродах; на голове волосы. Сварщик может назначить укол, но медсестру можно уломать и она не будет его делать, мусорам, которые с ней ходят – похер.

7.11.10.

Как я хочу застрелить эту гниду, Боже! Мне снится каждую ночь расправа над этим пидором, в красках и подробностях. Боже, когда меня отпустит? Я не злой. Я добрый и немного глупый. Зачем я забрал тогда у него эту аппаратуру?

Что он, и вправду перестал бы пить? Сколько мне говорили про то, что он гад – я не верил. Мне почему-то казалось, что все эти разговоры от зависти. Дурак я. Зачем я столько себя истратил на козлов и идиотов? Почему не отдал всё Насте, когда ей принадлежу.

Будущее неизвестно, даже не знаю когда у меня суд. Должен был быть 10-го, но карантин. Не повезут. И отцу не сообщить, он приедет, он законный представитель мой.

Никогда я его не любил, кстати.

Осень моя.

8.11.10.

Предчувствие чего-то страшного, чего-то не моего. Продольный гремит ключами, кого-то повели на суд? Нет, свиданка. Ощущение говна в природе. Чайник у нас протёк, Миша рычит.

9.11.10.

Там, за всем, что мы видим, есть что-то невидимое нам. Чувство смерти и серые дни. Дождь и время. Сколько мне?

10.11.10.

Просто я не умею жить без неё, мне холодно смотреть в будущее. Что-то страшное, что чувствую. Херовое. Пойду сегодня гулять. На КД ещё не гулял.

11.11.10.

В «резинку» волокут таджика. Таджик клянётся мамой. Резинка – это боксик полтора на полтора метра, без окна и сортира, целиком обитый вонючей резиной. Резина пропитана говном и мочой, отопления нет. Сидят в резинке в основном сутки. Не более, всё-таки гуманность. И сажают туда особо отличившихся. В основном таджиков и «баб». Раздевают догола. Вонючка внутри этого ящика стоит страшная, дышать невозможно, холод собачий, есть и жрать не дают, можно орать.

Таджик, которого волокут, – узбек с 3-го этажа, он поджёт зачем-то в хате матрас. Это был протест наверное, против «мусорского», теперь он умоляет продольного не заводить в «резинку» и мамой клянётся. Мент непреклонен. Слышны звуки пиздюлей и грохот двери. «Хочишь, я на калени, ви-стану, старшей!» – вопит узбек, но бесполезно это.

Вообще, чурьё очень любит «качать против мусорского», «шатать режим» и т.п. Заканчивается этот понос тем, что опер обещает забрать из хаты телевизор, а это святое для чебурят. В телевизоре МТВ и Муз ТВ а там «тиолька». И чурьё перестают бурогозить. До следующего воспоминания про АУЁ они спокойны. Проходит неделя – и они опять начинают заниматься хернёй. Так в итоге и заезжают в резинку. «Страдают за общее».

За две с половиной недели, что я сижу на КД – это уже четвёртый пациент «вонючей крытой».

До него было ещё два таджика и одна «баба», тоже, кстати, таджик.

У нас на пятом этаже есть две хаты, 507 и 505, в которых «бабы», ну вот, эта таджичка плеснула кипяток в рожу соседке и поехала отдыхать. Орала часов 15! Потом уже сварщик её пожалел, выволок из этого резинового дерьма, кольнул аминазином, хорошо кольнул, и обратно закинули. Полчаса она ещё покричала «Старшей, старшей...» – и сдулась.

12.11.10.

Никакой информации извне. Мобилы нет, карантин, на суды не возят. Меня не возили на «прения». Смешно, какие могут быть прения, если я дурак? Бестолковая трата целого дня.

Хотя съездить на суд – это возможность словиться с общим корпусом, хотя бы малявы передать.

На суде можно посмотреть в глаза терпиле. Если в России Настя – попробовать дотронуться до её руки. Да вообще я не видел её год. А она меня любит, я это знаю, и ещё она похожа на кошку.

Но карантин.

13.11.10.

Судилища бывают разными. Есть судилище по избранию

меры пресечения, есть по продлению содержания, клоунада ещё та, где вообще непонятно, зачем нужен подозреваемый. Судилло даже не дослушивает до конца доводы защиты и не верит вообще ни одному слову, прерывает адвоката или того мудака, что в клетке. Потом зачитывает постановление и продлевает на месяц или полгода. Дольше не могут. Вова Путин не велит. Потом, когда срок выйдет – продлят ещё на полгода, потом, если статья особо тяжкая – ещё. Потом полгода на «под судом», потом, если и того не хватает на оправдание следственного фуфла – ещё продлят.

Ладно, отсидел ты два или три года, но при этом невозможно вынести обвинительный приговор, ввиду того что судят тебя, например за то, что ты негр. Но ты никакой не негр. Никак не негр. Даже выбитые из тебя дубинами и током признательные показания не помогают, потому что видно, что ты, блядь, никакой не негр, а что ни на есть обыкновенный белый распиздяй и это видно, это факт! Тогда что они делают: дают тебе три года за то, что ты мулат. И по УДО из тюрьмы не выйдешь, нужно в зону ехать, а там только через шесть месяцев можно на УДО писать, а через эти шесть месяцев тебя так и так нагонят.

И вот ты, измученный, разбитый и уже не такой смешной, как был до посадки, возвращаешься из республики Коми в Москву. И возвращаешься преступником. Ты, для ещё случайно несидевших – нелюдь. Три года жизни ушли непонят-

но куда.

В исключительных случаях, посмотрев в судилище, что ты уже как «выебанная макака», и можешь запросто крякнуть – отпускают из зала суда. То есть, дают тот срок, который ты уже в тюрьме отсидел. Называется это «за отсиженным».

С судов за бабло уходят домой. Этими байками пропитаны все сборки и все автозаки России. Наверное уходят. Но кто и за какое бабло, не знаю. Видел чурёныша, которого с изнасилованием отпустили под подписку о невыезде на суде. Статья тяжкая, может и за бабло.

14.11.10.

Мат – перемат. Простите меня.

Судилище бывает предварительное. Та же самая фигня, только без следака и мусорского адвоката, который был на ранних стадиях комедии. Теперь мусорской адвокат другой – судовой. Тот ещё хоть что-то говорил, для галочки, этот же, судовой, вообще молчит как хуеплёт. Да и судило, если раньше был тот, кто уже чай допил, поел-посрал – свободен, то теперь прикрепляют постоянного клована, который будет на тебя зевать. Мне досталась судья Неверова, которая славила своей любовью к потолку сроков и образцовым цинизмом по отношению к подсудимым. Но мне её нечего бояться, врачи мои судьи, они написали в бумажке спец, и всё.

Теперь хоть пусть Господь меня пакует, выше или ниже спеца я не получу. Судьи не имеют полномочий лезть во врачей. Врачи не лезут в судей. Короче, всё всем пофиг, ты упакован – в этом и заключается их царствие небесное.

На этом предварительном цинизме тебе вообще не дают говорить, можно подать какое-нибудь смешное ходатайство, но всё это не работает. Назначают дату окончательной расправы и отправляют вниз, в эти милые казематы Тверского суда г. Москвы, Цветной бульвар 19. Там и сидишь до ночи впятером на одном квадратном метре, ждёшь автозака как сметаны.

Есть ещё прения, то есть опять вся эта хренота, но чаще и больше, когда вместо того, чтобы спать – тебя таскают в суд на увлекательное говнотрёпство.

По счастью я отказался от прений. Окажись умным – не избежать бы мне прений.

Ну вот, судья вообще не смотрит на показания обвиняемого, если они не признательные. А если ты в мусарне признаёшься, а в суде говоришь, что все показания выбили менты и ты не виноват (и если у тебя нет денег на нормального адвоката, который стоит, кстати, хер знает сколько) – то ты уже полнейшая и конченная мразь. Тут закон к тебе суров, ты, гандон, в Москве не зарегистрирован! Ты, помоечный, нигде не работаешь, сознаёшься а потом пытаешься нас всех здесь

обмануть, Ну сука, получай по полной программе. Дай этим тварям волю – они давали бы расстрел девятерым из десяти.

15.11.10.

Со мной в хате трое убийц. Справа, сразу через тумбочку, дрыхнет Димка Мальборо, художник с Арбата. Грохнул двух скинхедов около МИДа в октябре того самого года, когда я гулял по улочкам, примерно в том районе и смотрел на Садовое кольцо. Жаль, что он заболел иконовой болезнью, хороший вроде парень. Светит ему Сычёвка, психиатрическая больница специализированного типа с интенсивным наблюдением, бывшая какая-то усадьба, но фашисты хотели устроить там концлагерь, да не устояли под Смоленском, наши, прогнав фрицев, замутили на Сычах дурдом. Короче, пипец Диме. Два жмуропотама – это лет семь только там, потом обычный спец, после обычного – общий. Лет 10 получается, что по 105-й части 2-й архигуманно, там до пыжа эта вторая часть.

За Димкой спит Миха. Он вместо наволочки на подушку нацепил полотенце с тигром и говорит, что это здорово, тигр. Миха рассказывает про росомаху, о том, что видел этого зверя в лесу и даже не испугался. Миха в Афганистане убивал душманов, а здесь разных людей. Но сидит только за одного. Хотя статей у него как у дурака махорки.

Напротив Михи храпит Костя. Костя повар, и убил он чувака молотком для отбивания мяса.

Время 9 вечера, через час налаживать дорогу, иду умыться, заваривать чай и будить эту сумасшедшую росомаху, пусть чай расфасовывает по пакетам и цинки вырезает из пачек сигарет. Остальные будут спать, они нам ночью балласт.

Мы говорим по-немецки! Wir sprachen Deutsch!

Настя!!!!

16.11.10.

Ночью поймал себя на мысли, что с этими тремя мне проще и интереснее, чем с полубогемным сбродом, что окружал меня на свободе. А кто вообще окружал меня на воле? Заvistливые подонки и говнюки, тупые дуры и безвозвратные терпилы. Настя, конечно, не в счёт, но есть она сейчас? Я почему-то верю. Или всё это бред? Может весь народ был нормальным, а это я оказался такой сумасшедшей идиотинной? Или просто я стал привыкать к тюрьме? Или меня уже вынесло из жизни? Так на какой же мысли я себя всё-таки поймал? Бляха, лучше мне не думать больше, это хуже всего получается. Буду не думать, буду настраивать себя на что-нибудь впереди. А впереди что? Опять логический пиздец, уносит и от содержания, и от формы. Какое-то безобразное существование меня внутри никакой пустоты. Время 4:01, дорога стоит, всё разослано, теперь только если транзит пой-

дёт, Этот опять спит, да вообще все храпят, один я хожу по хате туда-сюда как дурак и думаю. Вот ведь как здорово, в общих камерах на Бутырке народу до фига, а у нас восемь мест, но только четыре заняты. Это степень необходимого одиночества.

Самое крутое одиночество – когда утром тебя приводят на сборку в общий корпус, там ещё никого нет и гремит вентилятор, можно песни петь. Я пел. В тюрьме одиночество бесценно.

Ещё я преступник. И хоть высший разум освободил меня от уголовной ответственности, один хер. Я «нахуевертил». То есть я получаюсь не преступник, а «хуевертолог», в телегах вообще пишут так: совершивший общественно опасное деяние, предусмотренное статьёй такой-то УК. РФ. У меня все эти телеги под матрасом, я на них сплю, шконарь дурацкий, нужно бумаги подкладывать, а то матрас становится никакой и жёстко спать. А спать нужно хорошо и долго, так как моя психика во время сна не умничает и выдаёт цветные сны.

(В этом году я пытался познать предательство, перечитал на эту тему кучу всякого барахла, начиная от биографии генерала Андрея Власова и заканчивая дурацкой историей о самоубийстве Иуды Искарюта, прочувствовал всего Летова, который тоже старался постичь это явление, переобщался с

дюжиной попов, переломал весь мозг на эту тему – и ушёл недалеко. Пришёл к какой-то фигне, типа гордыни, которая порождает и то-сё, короче всякая чепуха и ересь. Зачем оно мне было нужно?

Какой-то пузырь дерьма, который висел надо мной весь этот год, лопнул.).

Рассвет.

17.11.10.

Сегодня узнал, что этап дураков на восточное направление набирается долго. Карантин прилепил мне месяц. И ещё ожидание этого этапа может длиться чуть не до года. Долбанный терпила! А если ещё владимирский дурятник не примет меня без паспорта, который этот мудило забрал и не признаётся, то придётся паспорт этот здесь делать, а это капец. Так что, со всеми думками 2012-й год только. А там как повезёт. Что это будет, конец или начало года? Дождётся меня Настя? Как я вообще буду общаться с людьми? Что произойдёт со мной за это время, не будет во мне зла на мир? Зло на мир – самое страшное, что может случиться с человеком.

Что порождает зло? Зло, помноженное на время, перебродившее, обдуманное и заранее оправданное зло, через уже год-полтора может породить отморозка, для которого само понятие зла утратит смысл и перестанет быть чем-то запредельным. То есть снимется какое-то табу. Зло станет нормой.

Зло станет порядком вещей.

И берегись тогда терпила или какой другой гандон своего звёздного часа, на тебе за убитую молодость, за потерянную любовь и сломанную жизнь. Ты, терпила, причина всех бед, даже если и ни в чём не виноват, а «так получилось». Не выношу это словосочетание. «Так получилось» не бывает. Получается всегда всё именно так, как заказывали.

Вот мой этот терпилоид, мудак, я же тебя завалить могу, что ты творишь, что можно решить упаковкой меня в дурдом? Из всех вариантов выбрать самый дерьмовый и для себя, и для меня, ради чего, ради гордыни? Так я понимаю, я бы украл его барахло, пошёл, продал, деньги промотал, тут понятно, мучайся, Илюша и гори в аду, заслужил, а в нашей-то ситуации вышла форменная шизофрения! Но он-то всё знал. Что лежит и где лежит. И у кого! И не припиши, скот, мне фотик, что Серёге Лашко отдал – я бы уже давно был дома. А ещё два объектива к нему, которые стоят гору денег. Зачем? Зачем так-то?

А зачем ты, Илюша, ёбнутый кот, столько времени общался с этой живностью, десять лет, прямо дружил. Не видел? А когда говорили тебе, Ксюха и Инка говорили, что он гад, ты куда слал Ксюху и Инку? Правильно, держи теперь по полной, всё ведь нужно методом тыка познать, всё кирпичом по башке. И когда кирпич уже прилетает – тогда говоришь: блин, и правда больно.

Теперь прозрел. Вернее не теперь, а гораздо раньше ты прозрел, ещё на ИВС, на Петровке 38 ты подумал, что это не томская ментовка за бухло, это что-то очень серьёзное, что какая-то грань осталась позади.

На Петровке 38 я ещё был полон надежд, что дальше ИВС дело не зайдёт, думал, что этот протрезвеет, побежит к ментам, меня отпустят...

Смешной я.

Ага мне, отпустят!

6-е августа 2010 года. Суд по избранию меры пресечения, раскалённый автозак, та самая московская жара, дым, бумажка у конвоя в которой написано, что «в случае действий направленных на совершение побега из под стражи конвой принимает меры по задержанию с использованием огнестрельного оружия»... И тебе дают эту бумаженцию на подпись. Ты ставишь на ней свои раскаряки, а это практически смертный приговор!

А ты же псих! А ещё ты не можешь спокойно стоять, тебе всё время что-то нужно. Видишь, например, птичку, и автоматически прыгаешь за ней, а что делать, если просто хочется поймать её, какой на хер конвой, а этот мент херакс тебе в башку из пистолета, а типа он хотел сбежать и всё такое. Конечно, не всё так просто у них, они тоже имеют инструкции на этот случай, но опять же, а вдруг? Не дала ему Танюха в

деревне у себя, он злой и с похмелюги, а тут кот. Ну хлоп и всё. Или запищит: лови кота и бах, бах...

А кот такой: фигак и не умер, а уснул и больше не проснулся.

18.11.10.

У нас в хате появился Пушкин. До этого, в 484, в транзите, был Ленин.

Я вернулся с прогулки, посмотрел налево. За столом сидел чел и жрал суп. Напротив чела сидела Бешеная Росомаха и смотрела на него своими грустными глазами.

На чуваке висела картонка с надписью «Спартак – чемпион». Мне всё сразу стало ясно, человек наш.

Телефонный террорист Грибанов Александр Сергеевич, в миру просто Пушкин сел за то, что позвонил бухой в ментуру и заявил, что заминировал памятник Пушкину на Пушкинской площади, и что, если Спартак опять проиграет ЦСКА (а в тот вечер был матч), то Пушкин взорвёт Пушкина ко всем чертям на хер.

В мусарне, вместо того, чтобы просто послать Пушкина и бросить трубку, началась движуха. (ОВД Тверское, чего уж там) Вызвали ОМОН, всякого рода другую Мусорскую ересь, оцепили памятник Пушкину и насмерть испугались звонка долбоёба. Стали ждать окончания матча, искать взрывчатку, ходить с собаками и «никого никуда не впус-

кать».

Стоит ли говорить, что никакой взрывчатки они так и не нашли, а матч закончился проигрышем Спартака. На Пушкина же, ОНИ затаили зло, разойдясь по своим мусарням и домам.

Пушкин, дурак, не выкинул симку, с которой звонил, потому что ему нравился номер, нулей было много, а это хорошо.

Ну и забыл обо всём и пошёл жить и бомжевать на Цветной бульвар. И жил так целый месяц, пока ОНИ его не запалили. И в результате контртеррористической операции на конспиративной бомженоре с привлечением ФСБ-шников и бойцов ОМОНа был захвачен международный террорист Пушкин – наше всё. Пушкина взяли в тапках и выслушали от него, что Спартак – чемпион, что мухи ночью не летают, что за коней болеют лохи и то, что он Александр Сергеевич Грибанов, почти Грибоедов. Думаю, что следующий «взрыв» будет на Чистопрудном...

Ну так вот, отволокли ОНИ Пушкина в ИВС, оттуда в тюрьму, проводили голосовые экспертизы, пробивали на причастность к Алькаиде или как там она пишется, написали о нём в газете МК статью. Пушкин мне показывал этот номер, это его гордость. В итоге отправили в институт Сербского. А из Сербского, вместе с Пушкиным пришёл ментам ответ: долбоёб. Так Пушкин попал к нам на Кошкин Дом, теперь будет ждать этапа в Челябинск. Дурдом ему дали об-

щего типа, кстати.

Ленина звали Серёга.

В 484-й хате, в транзите, мы привязывали Ленина к батарее. Цепляли конём за ногу. Чтобы Ленин не насрал и ничего не спёр.

Статья, по которой упаковали Ленина (внешнее сходство с вождём мирового пролетариата – 100%!) ещё ИМИ не изобретена, хотя засунули его по 111-й, части 4-й. Делюга такая, пишу примерно с обвинительного заключения:

Ленин по пьянке ввалил чуваку, который от вваленного до Останкинского пруда, в котором его в итоге нашли, получил три несовместимых с жизнью ранения ножом в область интерфейса. При этом, люлей Ленин дал чуваку в субботу вечером, три ножевых, несовместимых с жизнью чувак получил в воскресенье, а в пруду чувака нашли через неделю от субботнего опиздюливания. При этом Ленин орёт, что только резал, но не убивал и не бил в субботу, да и резал в пятницу от Рамадана, то есть до того, как пришла суббота и чувак получил пизды от Рождества Христова. После нанесения трёх несовместимых со смертью ножевых – Ленин вместе с потерпевшим стал распивать спиртные напитки возле Останкинского пруда и после распития напитков (боярышник, 19 флаконов по 25мл) в ночь с пятницы на субботу Священной седмицы у Ленина с потерпевшим возник конфликт на почве ревности к женщине, после чего потерпевший полу-

чил от обвиняемого два удара в область еблища и один в область яиц и отправился вместе с обвиняемым в ближайшую аптеку на ул. Королёва за настойкой боярышника (флаконы 25мл). После распития некоторого количества настойки боярышника спиртовой 25мл, обвиняемый нанёс потерпевшему ножевые ранения, после которых потерпевший скрылся, а Ленин продолжил распитие напитка и тоже скрылся с места преступления.

Ну а что труп? Труп ушёл с места преступления и обогнув Останкинский пруд оказался внутри. В пруду. Но как показала экспертиза – в воду труп попал в четверг утром, и где в Москве шлялся пьяный труп всё это время, неизвестно.

Серёга очень сожалеет, что так всё у него получилось с трупом, а батя трупа, друг Серёги, орёт, что Серёга не виноват, а сына всё равно бы убили когда-нибудь, так как он был конченный мудака 1986 года рождения.

В этом году я в школу пошёл. (Ich gehe in die Schule und lufen rauch «Нур»!!!!).

Начали из хаты выводить. Костя ходил на свиданку, значит карантин не настолько жесток, как его трактует Сварщик. Могут на суд дёрнуть! Скорее бы отсудили. Может дадут пару минут с батей пообщаться, а то последний раз мы

очень плохо расстались. Надо прощения попросить, а то я вёл себя по-детски, наговорил фигни.

Да и новости от него узнать хоть какие, а то как в подводной лодке здесь.

Есть такая фразочка в обвинительном заключении: «с умыслом». Преступление, совершённое с умыслом или без такового. Вот я, я признан комиссией невменяемым, но действовал с умыслом. Костя тоже признан невменяемым, а без умысла замочил. Как это?

Блин, как давно я не общался с обычными людьми... То есть с теми, кто ничего не «совершал» и не являются «преступниками».

Моя консервация в хате. Там за окном другой мир. По телеку в новостях показывают людей, которые ходят без конвоя, то есть САМИ ПО СЕБЕ. Враньё, говорю я себе, так не бывает, чтобы без конвоя, это всё мусора подстроили специально. Сейчас камеры выключат и всех в наручники и по хатам.

А ведь и правда, люди ходят там на работу, на свидания, просто ходят. БЕЗ ПОСТОРОННЕГО УСИЛИЯ, САМИ ПО СЕБЕ (Конечно Летов).

Иногда кажется, что эта тюрьма будет вечна, что я никогда из неё не вылезу. И нет тогда сил жить. Могу только курить и думать о Насте.

За запреткой гуляют кошки, зелёный и белый. Боже, как хуёво.

Котов в тюрьме много. И кошек. И всякого рода котят. И в хатах живут и по коридорам бродят. Идёшь, например, к следаку, ну не совсем идёшь, мусор ведёт: ты впереди, он сзади, впереди идти боятся, твари. Ну и вот, поднимаешься по лестнице, а вниз спускается большой зелёный кот. Смотришь в глаза ему, и он в твои тоже смотрит. Ты ему улыбаешься, и он тебе. Давай, говорит, бедолага, держись, дождётся тебя твоя кошка, всё будет хорошо.

А как же ещё может всё быть, если ты уже в тюрьме? Свободы начинаешь бояться. Что там, дождутся ли тебя, каким ты войдёшь в их мир, кому ты будешь там нужен? Этого боишься, это гложет. Но с другой стороны, ты же сильный, ты не стал тут гандоном, не стал стукачом и мразью, значит и заехал сюда не таким. Заехал человеком. Здесь ты как на ладони и некуда уйти, чтобы не показать себя. Другая концентрация человечности.

Миха улыбается и грустит одновременно. Улыбается оттого, что ему назначил Сварщик витамины, Ревит обычный. А грустит оттого, что пока он спал – Пушкин эти витамины сожрал. Но Пушкин в отказе, включил 51-ю статью конституции. Против себя показания не давать! Ай да сукин сын!

19.11.10.

Наконец появился телефон. Звонил маме. О Насте ничего. Умер отец.

21.11.10.

Утро. О Насте непонятно. Суд должен быть 25-го. Наверное опять перенесут.

Вчера снег шёл. Стоял ночью на дороге, хотя Миха меня гнал. В итоге заставил меня надеть свитер, и простоял я до расхода. Грелся чаем и батареей. Холодно становится ночью, холодно внутри.

Звонил Артёму. О чём говорить?

Приходил сегодня «батюшка», грузил и исповедывал. Я не пошёл, я «пропустил мгновение» (Достоевский).

Я лёг на свой шконарь, чтобы смотреть на снег. Снег лёг ровно, наверное уже не растает. И лапы кошек на снегу. Везде.

22.11.10.

Перестаю верить близким людям. Я на связи с мамой и Вадимом. Мама говорит, что звонила Настя и они разговаривали полтора часа, Вадим утверждает, что у Насти нет воз-

возможности звонить. Чего-то врут. Что-то от меня скрывают...

А если, правда, случилось то, что страшнее любой тюрьмы? Что уже я не смогу пережить?

Да нет, не должно, я бы сразу почувствовал.

От Илюхи с общего корпуса вестей нет. Передавал тут на него маляву, наверное не дошла. Бесконечное ожидание. Пахнет зимой. Боже, как же херово...

Держись, держись, кот.

Как мир до тошноты бретен, (слово такое идиотское, смешное) он не нужен самому себе, вырастает из ниоткуда, наполняется воздухом и уходит в никуда.

Когда я перестаю думать – начинаю понимать его. Я понял, что самое главное в этом мире – это воздух.

Папа всегда говорил мне, что воздух у меня в голове, что я идиот, и что у меня в мои 30 лет ни хрена нет, кроме гитары, и что у него, в его 30 лет уже было всё. У него была и квартира и машина, семья, работа и уважение ему подобных. А ещё была эта рыбалка (без рыбалки, пьянка и тусня с долбонавтами), которая и развела их с мамой. Прожили они вместе 26 лет.

Но хрен с ней, с рыбалкой, у папы всё было в его 30 лет, а у меня только воздух. А вот теперь ещё и тюрьма. Тюрьма, в которой я смотрел футбольный матч Спартак – ЦСКА, в то время, когда в землю зарывали моего отца. В это самое

время. Я чувствовал, как он уходит.

Но он и до этого уходил, а приходя – начинал выносить мне мозги на тему, что у меня ничего нет. Теперь он сам превратился в воздух.

Спартак опять проиграл.

23.11.10.

Дурацкие иллюзии свободы. Откуда? Скорее бы всё решилось. Скорее бы этот страшный суд. Хотя не будет надежды, а то она не даёт мне покоя. Безумное желание замочить эту тварь, да с такой жестокостью, которой свет ещё не знал. Блин, откуда во мне появилось зло? Никогда во мне зла не было, что это?

Свершилось!

25.11.10.

Судилище. ВаськиИ. Медведь и брус.

Состоялось судилище моё. Дали именно то, что прописали доктора, – дурдом специализированного типа. Для понта адвокат просил общий тип. Терпила вообще запищал, что я хороший, что меня нужно отпустить и помиловать, мама говорила ерунду про то, что я больной и всё такое, хотя и так всем было ясно, что я дурак. Прокураторша, самая глупая из всех – смеялась. Свидетель, мусор, судья Неверова. Все

улыбались.

В общем, день прошёл не зря. Повидал на сборке знакомых и в клоповнике в суде поспал, калачиком на досках. Чуть не отмели, суки, сигареты, что пёр я с общего корпуса, хорошо, что обошлось. Небольшая кинокомедия и сигареты дома.

Автозак Камаз, с огромными колёсами, носится по Москве как угорелый. Холодно в нём неопишимо, печка, как всегда, не работает.

После Тверского суда заезжали в Лефортовский, потом в Таганский, потом в тюрьму Матросскую Тишину, стояли в шлюзе два часа там, только лишь потом в Бутырку.

В Бутырке на сборке два часа. Всё это долго, холодно, ненужно...

Боже за что это всё со мной? Я догадываюсь за что, но зачем так-то? Можно было чуточку попроще? Чуточку не так холодно, Господи...

На сборке встретил смешного паренька. Угрели его по 159-й, части 2-й. Он сам и москвич, и официально работает, и киндер есть, жена и тёща, короче полный набор полноценности. Взял у друга займы 15 тысяч рублей под расписку, потом с другом поссорился, деньги в срок не вернул, а друг оказался вдруг. Заявил в ментуру. Этого посадили в тюрьму

за мошенничество, пока следствие шло – полгода отмотал, теперь вот суд был, прокуратор запросил 3 года, судья впролом полтора общего режима. Зона. За 15 рублей. 500 баксов. Он такой рыжий и курит одну за одной, жена на суде говорит, что будет ждать. Он смеётся от горя. (Полтора года не срок? Чужой срок всегда не срок.).

Смеётся. Смешные люди человеки. Так вот посмотришь на себя в них и просто хочется смеяться от того, насколько всё наивно в мире, насколько в нём всё грустно и бесчеловечно грустно.

Сегодня посчитал народ в автозаке. 21 человек. Из них 10 осудили. Я не в счёт, у меня срока нет. А так на 10 человек 112 лет. И это только один автозак в Москве, не говоря обо всей России и только три часа, проведённые вместе с этими людьми. Сколько лет за день по стране выходит? Вова, Путин! Это ли не Гулаг? На хрена всё это нужно, Медвед? Господи, за что ты им деньги платишь?

26.11.10.

Вадим прислал мне малиновое варенье. Спасибо, Вадим. Что-то уже позади. Что-то уже пройдено, Меня отсудили, осталось дожидаться этапа и уехать на дурдом. Теперь покой и время пустоты. Но это уже легче, это уже движение. Пью чай с малиновым вареньем. АУЕ, Вадим!

Наконец узнал свой диагноз, в телеге прочитал, что приговорён к дурятне вследствие психопатоподобной шизофрении, твою мать! Шизофрения, отягчённая жизнью. Весело.

В бумаженции написано, что я страдаю хроническим заболеванием. Я страдаю. Оказывается можно страдать просто так, безо всякого наказания и всякой причины. Страдать только тем, что ты есть на свете. Боже, нафига это всё? Кому ты деньги платишь? Какой в этом понт? Нафига я? Вот за каким хреном мне это всё нужно?

Блин, счастливым я буду, наверное, только в гробу.

Господи, помоги Насте.

(Мат-перемат – простите все. По-другому не редактируется. Всё плывёт.).

В гробу. В гробу хорошо. Когда я был маленький – я колотил гробы. Мне было 15 лет, и я работал в столярном цеху. Учился в вечерней школе и работал «дураком у помощника-дебила, того идиота, который был столяр и который, вместо того чтобы колотить рамы и двери, как это было заповедовано нашей конторе – колотил гробы». Это был 94-й год и гробы пользовались необычайным спросом. Я оббивал их тканью, топоры и фуганки мне тогда не доверяли, я был совсем псих. Внутри, для мягкости, небольшой слой опилок и

белая ткань. Снаружи – кумач. На стыках кантик. Двух видов: простой и понтовый. Понтовый с рюшечками. Простой – просто обыкновенная херня. До того, как я брал в руки степлер я оставлял в гробу надпись: «Гроб из ёлки, делал я. Идите на хуй.» Создав шедевр, я ложился внутрь, курил и представлял, какая счастливая жизнь ждёт меня, как я буду счастлив, когда стану взрослым. Как я стану великим рок-музыкантом, когда я уеду отсюда к ёбаной матери.

В гробу, кстати, очень удобно, в нём нет ничего лишнего. Функционально и композиционно – гроб самая законченная штука. Он абсолютно гениален.

И ещё, в нём очень удобно спать.

Многие мои коллеги так и делали. Они нафигачивались в соплю и ложились каждый в свой гроб, и храпели там, пока их не расталкивали, и не поднимали из гроба, и не отправляли домой.

К своим.

«Свои» – они же «мои». То есть моя. «Моей» они называли женщину, которая по каким-то непонятным миру причинам, живёт с ними, терпит их убожество и рождает от них идиотов.

Счастливая семья – это ОН. Моя (Его), дочь (сын), сын (дочь), мать (отец).

Он – олигофрен лет 40 – 60-ти. Рожа. Одет хер знает во что с хер знает откуда. По праздникам хер знает что чистое. Фуфайка.

Мечтает об отечественном автомобиле. Крадёт на работе всю хуйню, в том числе и ту, без которой не может работать. Украв – складывает всё дерьмо на балконе, потом, если оно не сгниёт или «Его» не выкинет – тащит всё обратно, показывая и оря на весь цех, что вот он, Вася, «принёс из дома эту хуетень, а в цеху ни хуя нет, и что, если бы не он, не Вася, то цех бы встал и что вообще, он, Вася, и даёт стране угля, и всё приносит, чтобы жить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.